

И. В. Козлов
Екатеринбург

DOI: 10.15393/j9.art.2011.306

**ГЕКСАМЕТР В «ТАИНСТВЕННОЙ КАПЛЕ» Ф. ГЛИНКИ
(СТИХОТВОРНОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МОЛИТВЫ
«ОТЧЕ НАШ»)**

Глинка создал несколько стихотворных книг и поэм. «Тайнственная капля» (1861) занимает особое место: она является последним столь крупным творением поэта, посвященным религиозной проблематике (из более ранних можно упомянуть: «Опыты священной поэзии» 1826 года; «Свободное подражание священной книге Иова» 1859 года).

«Тайнственную каплю» нельзя назвать поэмой, и сам автор, видимо, сомневаясь в таком жанровом определении, а возможно, желая подчеркнуть апокрифичность сюжета о «тайнственной капле», дарованной разбойнику, обозначил жанр произведения как «народное предание».

«Тайнственная капля» стала произведением, подводящим итог всему творчеству Глинки. Поэт предпринял попытку создания целостной картины мироздания: его начала, развития и катастрофы-обновления (примером такого произведения для Глинки были «Потерянный рай» Милтона и «Мессиада» Клопштока, о чем он сам сообщал в предисловии к «Тайнственной капле»). Помимо этого, «народное предание» становится во многих аспектах стихотворной формы (стихотворный метр, строфика, метафоры, композиция, жанры) экспериментальным.

В основе «Тайнственной капли» лежит известный апокрифический сюжет о разбойнике, покаявшемся на кресте

и попавшем в рай. Но книга включает в себя больше событий, чем необходимо для развития этого сюжета. Композицию произведения формируют две разнонаправленные силы. С одной стороны, стремление объединить разрозненные эпизоды, сюжетные ходы, главы, представления о мире, стремление создать композиционное единство эпического произведения. А с другой — попытка сохранить представление о многообразии, многосоставности, даже, наверное, «пестроте» как самого мироздания, так и книги о нем.

В «Тайнственной капле» — две части, объединяющие разнородные художественные элементы. Первая повествует о начале времен, Адаме, грехопадении и, вместе с тем, — о рождении Иисуса Христа, даровании младенцу (ребенку разбойника) чудесной капли, от которой он мгновенно выздоравливает, а в душе его появляется неодолимая тяга к чему-то, что он в течение всей жизни так и не сможет понять и со всей ясностью осознает только на кресте. В первую часть входят также переложения избранных сюжетов из Евангелий, которые называются очень характерно: «Черты из земной жизни Христа» (тем самым подчеркиваются многообразие и сюжетная несвязанность этих «картин»). Вторая часть повествует о распятии Христа и спасении мира, обновлении Вселенной.

Глинка оказал большое влияние на духовную (а если воспользоваться формулировкой одной из его ранних книг, «священную поэзию») поэзию XIX века. В его стихотворной книге «Опыты священной поэзии», равно как и в «Тайнственной капле», был осуществлен переход от духовной поэзии XVIII века (духовные оды, классически точные переложения псалмов) к интимной духовной поэзии XIX века (молитвы)¹.

В «Опытах священной поэзии» Глинка объединил жанры переложения псалма и стихотворной молитвы. Характерный для XVIII века классицистический жанр переложения псалма или «духовной оды», предполагающий декламацию и близость к каноническому тексту, превраща-

¹ Этот переход исследован нами в кандидатской диссертации «Книга стихов Ф. Н. Глинки “Опыты священной поэзии”: проблемы архитектоники и жанрового контекста» (Екатеринбург, 2006).

ется в этой книге Глинки в камерный, интимный жанр духовного общения с небесным миром, жанр, в котором запечатлевается духовное преображение лирического героя. Можно утверждать, что Глинка продолжает традицию жанра переложения псалмов, установившуюся в XVIII столетии, которая в его творчестве постепенно трансформируется в более подходящий для выражения личных, интимных движений души жанр стихотворной молитвы.

В «Опытах священной поэзии» Глинка создавал стихотворные молитвы, основанные на текстах псалмов. В «Таинственной капле» это попытка переложения одной из самых важных для христианина молитв «Отче наш».

Русская поэзия XVIII—XX веков знает сравнительно немного переложений этой молитвы, причем все они в большей или меньшей степени изменяют канонический текст².

Особенностью «Таинственной капли» является ее полиметрическая организация (14 разных стихотворных размеров). В стихотворном переложении молитвы «Отче наш» Глинка использует гекзаметр. Во всей книге четыре случая употребления гекзаметра: переложение сюжета о Марфе и Марии, притчи о заблудшей овце, молитвы «Отче наш» и небольшой отрывок из главы «Учение».

Конечно же, Глинка не мог не знать о традиции русского гекзаметра. Чем был обусловлен выбор именно этого стихотворного размера? М. Гаспаров указывает на то, что существует определенная связь между стихотворным размером и содержанием стихотворения, «но связь эта — не органическая, а историческая. Когда поэт приступает к стихам философским или к стихам песенно-лирическим, он знает, что стихи такого содержания писались и до него и что слушатели будут воспринимать его новые стихи на фоне старых. Чтобы облегчить или затруднить такое вос-

² Исследование переложений А. Сумарокова, В. Жуковского, В. Кюхельбекера, Н. Добролюбова, А. Фета и других содержится в работах Э. Афанасьевой и К. Глинки: *Афанасьева Э. М.* «Отче наш...» в русской лирике XIX века // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки (Филология). Вып. 3 (40). 2004. № 3. С. 50—55; *Глинка К.* «Отче наш»: Поэтические переложения // Лебедь: независимый альманах. 2005. № 424 (<http://www.lebed.com/2005/art4170.htm>).

приятие, он и выбирает свой размер»³. Чаще всего русские поэты пользовались гекзаметром (и дериватами гекзаметра) в эпических произведениях (В. Жуковский «Наль и Дамаянти», П. Катенин «Инвалид Горев»), в философских сочинениях о жизни (М. Муравьев «Роща», Е. Баратынский «Мудрецу», П. Катенин «Надгробие»), конечно же, в переводах античной поэзии (прежде всего, Гомера) или подражаниях древним (А. Мерзляков, А. Дельвиг, Л. Мей). В произведениях, так или иначе посвященных христианской тематике, гекзаметр использовался редко (немногие примеры: перевод А. Востоковым отрывков из «Мессиады» Клопштока (1811) и стихотворение Л. Мея «Видение» (1860), в котором император Август во сне видит рождение Иисуса Христа)⁴. Опыт Ф. Глинки перекликается с творчеством византийских и латинских авторов Средневековья, широко использовавших гекзаметр для стихотворных переложений Евангелия, Псалтыри и создания оригинальных «священных песен» (Епифаний Аполлинарий Лаодикийский, Бардесан, Григорий Назианзин), хотя, конечно же, говорить о влиянии или даже знакомстве Глинки со стихотворными произведениями этих авторов сложно.

Можно утверждать, что произведения, написанные этим стихотворным размером, воспринимались самим автором как преодолевшие время. По сути дела, гекзаметр становился символом преодоления смерти. Это можно подтвердить следующими примерами. Притча о заблудшей овце в «Таинственной капле» предваряется такими строками:

И агнец Сам... и пастырь бдящий,
Он мудрость притчею прикрыл;
А эту притчу вседробящий
И молот времени почтил!..⁵

³ *Гаспаров М.* Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 237. См. также: *Гаспаров М.* Дериваты русского гекзаметра // *Res philologica*. Филологические исследования. М.; Л., 1990. С. 330—342; *Шапир М. И.* Семантический ореол метра // *Литературное обозрение*. 1991. № 12. С. 3—40.

⁴ О произведениях русской поэзии, написанных гекзаметром, см.: *Гаспаров М. Л.* Национальные формы гекзаметра // *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. Т. 3. О стихе. М., 1997. С. 247—252.

⁵ *Глинка Ф.* Таинственная капля. М., 1871. С. 270.

После переложения молитвы «Отче наш» Глинка также подводит итог:

Прошли века, умчались поколенья;
Громадная в размерах колесница,
На ней же восседит издревле время
С своей косою и молотом дробящим, —
Промчалася крест-накрест по земле.
Под колесом ее хрустели кости
Раздавленных, истаявших народов,
Взмостились могилы на могилы,
И города лежат под городами;
А дивная молитва все живет!!..⁶

Эта молитва становится словесным воплощением молитвы всего мира. Ученики слышат эту неизъяснимую молитву, когда все существующее славит творца, и просят Христа научить их молиться:

И все хвалило... все молилось.
Лилось, сливалось, возносилось!..
Природы Божьей голоса,
Летели в Божьи небеса;
Молилось всякое дыханье;
И листьев шепот — ликование;
Цветов молитва — аромат;
И музыка — ручьев журчанье,
Неслися дружно в горний град...⁷

Важно подчеркнуть особый «статус», который приобретает при этом стихотворное творчество.

В главе, в которой помещено переложение молитвы «Отче наш», Глинка проводит прямую параллель с «музыкой мироздания», гармонией «природы Божьей» и искусством стихотворного согласования слов, звуков, ритмов. «Священная поэзия» воспринимается художником не как простое версификаторство, а как способ найти гармонию в мире и слить свой поэтический голос с этим хором. Кроме того, ученики просят научить их молиться, поскольку

...мало ль что бывает с человеком?
Бывает вдруг, — встрепещется душа,
Как горлица, засаженная в клетку...

⁶ Там же. С. 279—280.

⁷ Там же. С. 278.

Так чем же тут тревогу успокоить,
Чем утолить души тоску и голод?..⁸

Таким образом, стихотворное творчество — это еще и способ преодолеть тоску, утишить «бунтующие страсти», успокоить тревогу в сердце, не случайно эти слова учеников переключаются с эпиграфом из Св. Григория Богослова ко всей «Таинственной капле» Глинки:

Пишу в стихах утоления ради скорби моей: в красотах стихословия можно найти улажнение.

Интересно, что Глинка взял мотив дарования молитвы из Евангелия от Луки (ученики попросили Христа научить их молиться), а в переложении, вероятнее всего, опирался на старославянский текст молитвы из Евангелия от Матфея. Приведем тексты молитвы и стихотворного переложения:

Рече же им: егда молитесь, глаголите: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое: да придет царствие твое: да будет воля твоя, яко на небеси, и на земли: хлеб наш насущный даждь нам днесь: и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим: и не введи нас в напасть, но избави нас от лукаваго: яко Твое есть царствие и сила и слава во веки. Аминь	И Он измолвил им: «Молитесь так: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое! и да будет царство Твое! и да воля Твоя как на небе, так на земле; и насущный Хлеб наш подаждь Ты нам днесь, и долги наши, остави Ты наши, Так как и мы же долги должникам оставляем же нашим... И в искушение нас не введи, от лукава избави! — Ибо Твое есть и царство, и сила, и слава веки! — Аминь!..
(Мф. 6:9—13).	

Очевидно стремление сохранить исходный текст без изменений. Глинка перелагает эту молитву как можно ближе к старославянскому тексту, почти не переставляя слов, только иногда заменяя их (яко — как, напасть — искушение). Этим переложение молитвы отличается от многих стихотворных молитв в его поэзии и переложений других авторов: в них он достаточно вольно обращался с текстом псалма, добавляя иногда целые строфы и даже оставляя

⁸ Глинка Ф. Таинственная капля. С. 278.

иногда от текста псалма несколько строк в качестве эпиграфа и несколько наиболее понравившихся художественных образов. Глинка не изменяет начальные слова этой молитвы. Возможно, поэт почувствовал, что она уже ритмически организована, «написана» гекзаметром. Именно стихотворный ритм лежит в основе мироздания, он улавливает его в одной из самых важных для христианина молитв и присоединяется к этой мировой гармонии, к молитве, «созывающей Царство Божье»:

Когда же звуки дикие сердец,
В гармонию согласную сольются,
Молитвенно вздохнет к Отцу слепец,
И мраки дум тревожных пронесутся: —
Тогда на плач души, на сердца стон,
Как тихая роса на Аэрмон,
И к нам сюда на Божие подножье, —
Сойдет с небес святое Царство Божье...
И скажет ангел человеку: «Битва
Бессмыслия со смыслом решена;
Земля — страдальца — возрождена,
И Царство Божье созвала — Молитва!..»⁹

Небольшая глава из поэмы «Таинственной капли», в которой помещено переложение молитвы «Отче наш», позволяет представить Глинку как смелого экспериментатора. Он оригинально применяет гекзаметр, наполняя этот стихотворный размер новым для русской поэзии содержанием (молитвенное преодоление страха смерти и власти времени), парадоксальным образом обновляя восприятие этой молитвы верующим.

Не менее существенно и то, что Глинка создал художественный образ молитвы, соотнес ее с образом лирического героя (псалмопевца Давида), выразил свое представление о поэтическом творчестве, источником которого являются духовная жизнь и богодухновенные книги в целом.

⁹ Там же. С. 281.